

IN MEMORIAM

Геннадий Семенович Батыгин
(1951 –2003)

Памяти профессора Г.С. Батыгина
Неофициальный некролог

Vita brevis, ars longa

Силлогизм из учебника логики гласит: Все люди смертны... Сократ – человек... Сократ смертен. Свежо ли, старо ли предание, а верится с трудом. Всем известно, что люди умирают – хорошие и плохие, умные и глупые, ... разные. То, что умер Геннадий Семенович Батыгин, я представить себе не могу. Я присутствовал на похоронах Геннадия Семеновича, но это ничуть не убеждает меня в реальности его смерти. Казалось бы, закон тления плоти не должен распространяться на таких людей. Чему в них умирать? Они суть средоточие духа, сплетение идей. Создавалось впечатление, что жизнь в материальной оболочке для этого человека имела какое-то второстепенное, сугубо подчиненное значение. Если бы можно было не есть, не пить, не спать, он, наверное, не делал бы всего этого. (Ведь это все только отнимает время.) Работа «с выходом в вечность», если выразаться грубо, «производство нетленки» – вот действенный и эффективный рецепт обретения бессмертия. От человека духа *par excellence* остается слишком многое, почти все. Уходя, он оставляет главное – свои мысли. А мысли – это и есть, в сущности, он сам. Носители идей уходят – уходят как бы невзначай. (Именно так и ушел от нас Геннадий Семенович.) Идеи же остаются и продолжают жить своей особой жизнью. И в этой самой жизни продолжают жить их создатели. Остается и дело: проводятся лекции, семинары, исследования, пишутся статьи, книги. История науки пробивает себе дорогу в будущее.

Среди крупных интеллектуалов-гуманитариев много долгожителей. Карлу Попперу и Роберту Мертону – авторам, которых Г.С. Батыгин ценил более других, – довелось отметить свои девяностолетние юбилеи. Геннадий Семенович говорил по этому поводу: «К старости – если не маразм, то предельная кристаллизация мысли. Девяностолетний старик, а в голове идеальный порядок, пишет ясно, четко, позавидуешь!» Но есть и другая категория ученых – те, которые уходят раньше времени. Миллс, Мангейм... Геннадий Семенович, волею судеб, оказался в этой печальной компании. В советском повседневном лексиконе для квалификации такого случая существовала характеристика: «сгорел на работе». Однако здесь

требуется уточнение. Работают люди по-разному, в разных режимах. По восемь часов, с перерывом на обед, в пятницу – короткий день, в выходные – отдых, отпуск – «святое дело» и т.д. Для Геннадия Семеновича понятия «работа» и «жизнь» были почти тождественными (и по объему и по содержанию).

В предисловии к русскому переводу «Социологического воображения» профессор Батыгин назвал Чарльза Райта Миллса «двадцатичетырехчасовым» социологом (эта метафора была заимствована у ученика Миллса И. Горовица)¹. «Двадцатичетырехчасовой» социолог не разделяет личную и профессиональную сферы, смешивает «сущее» и «должное», исследовательские задачи и нравственные идеалы, не признает дисциплинарных канонов и институциональных ограничений, устанавливаемых в рамках научного сообщества, чувствует себя «борцом», «пророком», носителем «сокровенного знания» и т.д. Геннадий Семенович был склонен иронизировать над таким типом личности ученого. Наверное, он усматривал в нем проявление «ребячества», «бунтарского духа». Ученый, по его мнению, должен быть, прежде всего, хорошим ремесленником, мастером своего дела. В своей аргументации он как будто бы сам себе хотел казаться эдаким «законником», «книжником» (или даже «фарисеем»). У ученого-профессионала (ученого-«фарисея») – своя правда. Он знает «Писание», «мудрость отцов» (результаты исследований предшественников), он компетентен (в области своей специализации) и добропорядочен («играет по правилам», «уважает авторитеты», признает сложившуюся в науке субординацию). Можно было бы предположить, что перед нами – идеология «восьмичасовой» научной работы. Однако такое предположение оказывается ошибочным.

Г.С. Батыгин сам был «двадцатичетырехчасовым» социологом – хотя и в ином смысле. Он не смешивал в своей жизни личное с профессиональным, но *растворял* первое в последнем. Иными словами, речь здесь идет о полнейшем «погружении в науку», тотальном подчинении всего жизненного ритма ученого рационально организованному процессу производства научного знания. У подобного рода жизненной практики непременно должно было существовать какое-то (пускай даже скрытое, недекларируемое) аксиологическое оправдание. Здесь на ум приходит Макс Вебер с его концепцией, интерпретирующей феномен протестантского мирского аскетизма. Оказывается, на свете есть такие «странные» люди (в современном, ориентированном на ценности потребления обществе они встречаются особенно редко), которые «живут ради работы», а не «работают ради жизни». Есть люди, для которых профессия становится жизненным призванием (*Beruf*). Что это если не аскеза, самоотречение «во имя высших ценностей»? На каком-то этапе жизни человек избирает для себя путь, и, оставаясь верным себе и собственным принципам, продолжает следовать по нему до конца своих дней. Эта позиция может иметь «специфически религиозное» обоснование (как в протестантизме), но может и не иметь такового. В любом случае мы имеем здесь дело с особым рода *мировоззрением* – чрезвычайно конструктивным, глубоким, заслуживающим огромного к себе уважения.

Для этики мирского служения многие дела и пути хороши. Кто-то становится музыкантом, кто-то учителем, кто-то инженером, кто-то врачом, кто-то предпринимателем... Г.С. Батыгин выбрал для себя путь ученого и не сходил с него никогда. Если тот или иной из его учеников на каком-то этапе своей начинающейся профессиональной биографии, проявляя слабость или повинуюсь обстоятельствам, «откалывался от науки» (например, «уходил в бизнес»), он говорил: «умер человек». И это вовсе не означало, что мэтр относился неуважительно ко всем прочим видам деятельности кроме науки и преподавания. Просто он считал, что нужно оставаться верным своему собственному делу, не предавать его, работать с полной самоотдачей, стремиться к достижению максимальных профессиональных результатов. Сам Геннадий Семенович в этом отношении был «образцом для подражания» (хотя никогда никому не ставил себя в пример). Геннадий Семенович работал очень много – работал один, работал в коллективе, за себя и за других, помогал коллегам, нуждавшимся в

---

¹ Батыгин Г.С. Предисловие // Миллс Ч.Р. Социологическое воображение /Пер. с англ. О.А. Оберемко. Под общ. ред. и с предисл. Г.С. Батыгина. М.: Издательский дом «Стратегия», 1998. С.5 - 6.

его помощи. Он был настоящим «трудоголиком», причем «трудоголиком»-альтруистом. Он делал гораздо больше, чем должен был делать, и, кажется, даже больше, чем мог. Но все-таки делал. Когда я смотрел на то, как много он работает, меня посещало чувство уныния. (Я не считаю себя лентяем, однако, я выбиваюсь из сил, «работы по горло», «просвета не видно»). У меня с ним один «совместный проект» и я еле-еле успеваю, а у него таких десятки – с разными людьми, по разным темам, в разных городах...) В большинстве случаев он выступал в роли координатора. На нем лежала ответственность. Но это еще не все. Он принимал участие в работе на всех уровнях: от разработки «концепции» до компьютерной верстки. Он не просто руководил процессом, он работал наравне с другими участниками, только больше, во много раз больше.

Характерный эпизод – шапочный обмен репликами в преподавательской комнате кафедры социологии Университета дружбы народов: Встречаю Галю Градосельскую (дело было, кажется, в апреле – за полтора месяца до смерти Геннадия Семеновича). Спрашиваю – «какие новости в Институте социологии?» (имеется в виду сектор социологии знания). «Да, все по-старому – отвечает Галя – Батыгин с утра до вечера пашет, ну ты же знаешь, как обычно!»

И результаты такой работы оправдывали затрачиваемые на их достижение усилия. Российская социология обязана профессору Батыгину очень многим. Его книга (и одновременно учебник) «Лекции по методологии социологических исследований»², изданная в 1995 году, до сих пор остается лучшей в своей предметно-тематической нише. В 80-е годы Геннадий Семенович был заместителем главного редактора журнала «Социологические исследования», в 1994 г. создал собственное периодическое издание – «Социологический журнал». Г.С. Батыгин хотел показать российскому социологическому сообществу, какой должна быть профессиональная научная печать. Для своего журнала он отбирал только лучшие статьи (достойные быть включенными в корпус текстов, именуемых «публикациями переднего края»). Научная новизна, добротная выделка текста, взвешенные и осторожные формулировки, безупречно оформленный библиографический аппарат – все эти атрибуты необходимо должны присутствовать в статьях, претендующих на право быть размещенными на страницах «Социологического журнала». В период с 1994 по 2003 гг. журнал Батыгина «задавал планку» качества отечественной социологической периодики. Очень хочется надеяться, что в будущем эта функция (в действительности, а не на уровне деклараций) у журнала сохранится.

В 90-е годы Г.С. Батыгин публикует большое количество концептуально важных статей. Особое внимание обращает на себя статья «Миф о “качественной социологии”», написанная в соавторстве с И.Ф. Девятко³, а также фундаментальный историографический обзор «Преемственность российской социологической традиции», открывающий содержательную часть энциклопедического сборника «Социология в России» (Отв. ред. проф. В.А. Ядов)⁴. Геннадий Семенович сотрудничал со многими научными журналами, и не только широко известными. Среди прочего его статьи выходили в журналах «Человек», «Вестник Российской академии наук», «Вестник Российского университета дружбы народов» и др. В 1999 г. под редакцией Г.С. Батыгина выходит книга «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах»⁵, содержащая в себе ценнейшие материалы по истории отечественной социологической науки позднесоветского времени. Сквозной темой этого сборника становится тема «интеллектуалы и власть» – тема, интересовавшая Г.С. Батыгина и как ученого, и как человека.

---

² Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований: Учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 1995.

³ Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. №2.

⁴ Батыгин Г.С. Преемственность российской социологической традиции // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. – 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. С.23-44.

⁵ Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: РХГИ, 1999.

Если бы Геннадий Семенович работал только «на себя и на свой авторитет», он, несомненно, написал бы гораздо больше. Однако ему было чуждо горделивое и амбициозное «героическое мироощущение». Он являлся не «героем», но «подвижником» (в булгаковском понимании этих терминов). И как все подвижники, он был очень скромным и уравновешенным человеком. Главное – не индивидуальные успехи, не личные достижения, а польза для «общего дела». Ученый должен способствовать росту научного знания. Имена исследователей рано или поздно забудутся, но сохранятся сами исследования. Первые страницы научных фолиантов будут вырваны, главное, чтобы не пострадали страницы, на которых изложена «суть дела»... Как-то мы покупали вместе с ним в ларьке учебной литературы «программки», составленные нами же, с нашими именами на обложке. Геннадий Семенович, посмотрев на это «ценное приобретение», сказал (передаю его слова приблизительно – *Д.П.*): «Вот так делается история науки. Авторы тут не причем. Кто они такие? – Понятия не имею. Пишут там какие-то – сами не понимают что. А брошюра тем временем выходит. Студенты ее используют ... ». Но Геннадий Семенович не боялся этой кажущейся «безвестности», «анонимности» научного труда. Продираясь сквозь дебри интеллектуальных будней, включавших редактирование чужих и своих текстов, составление отчетов, написание аналитических записок, макетирование журнала, он думал именно о науке, а не о «собственной персоне и ее месте в науке».

Очень серьезно профессор Батыгин относится к делу распространения и популяризации социологических знаний. Он активно способствовал переводу на русский язык зарубежных социологических текстов (как классических, так и современных). Благодаря Г.С. Батыгину вышли в свет переводы двух важнейших с точки зрения нужд социологического образования книг. Это – «Приглашение в социологию» Питера Бергера⁶ и «Социологическое воображение» Чарльза Райта Миллса⁷ (переводы О.А. Оберемко). На очереди были И. Гофман, А. Шютц... Пробные варианты переводов, отдельные статьи, главы монографий публиковались на страницах «Социологического журнала».

В современном обществе – полагал Г.С. Батыгин – наука перестает быть уделом одиночек. Мало-помалу исчезают и ученые «энциклопедического типа». (Хотя сам он, несомненно, являлся таковым). Будущее – считал он – за исследователями-профессионалами, специалистами в конкретных областях. Формой организации жизни научного сообщества на современном этапе становится «школа» (или более широко, – «невидимый колледж»). Сам Геннадий Семенович создал нечто подобное – своего рода «фабрику по производству знания». В ней было все необходимое: свое академическое подразделение (институтский сектор), свой печатный орган (журнал), «корпоративные» исследовательские проекты, методологический семинар (здесь идеи проходили критическую апробацию), внешние контакты, образовательная база (связи с кафедрами и факультетами различных вузов). И надо сказать, эта система работала эффективно. Выходил журнал, издавались монографии, авторитет «школы» укреплялся, открывались новые горизонты – результат, как говорится, налицо.

«В идеале» можно было бы предположить, что такая система способна к самовоспроизводству, что «субъективный фактор» здесь не должен играть никакой значимой роли. Однако это было не так. Система существовала и функционировала лишь постольку, поскольку она приводилась в движение ее творцом. Из какого-то источника должна была исходить легитимная целеполагающая инициатива. Никакой рационально организованный механизм (в том числе социальный) не может работать сам по себе. Системе необходим лидер, идейный вдохновитель, харизматик. Геннадий Семенович как раз и был таким человеком, той самой «незаменимой деталью» в системе, тем самым «тихим харизматиком»,

---

⁶ Бергер П.Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива / Пер. с англ. под ред. Г.С. Батыгина. М.: Аспект Пресс, 1996.

⁷ Миллс Ч.Р. Социологическое воображение / Пер. с англ. О.А. Оберемко. Под общ. ред. и с предисл. Г.С. Батыгина. М.: Издательский дом «Стратегия», 1998.

без участия которого ничто не обходилось и ничто не совершалось. Вот вам, господа структурные функционалисты, и «независимость» социальных институтов от людей!

Какие научные взгляды разделял сам Геннадий Семенович? Какова была его собственная теоретико-методологическая программа? В сознании многих своих коллег и учеников он предстал как безупречный и стерильный «количественник», жесткий эмпирик, «позитивист». Наверное, особенно в последние годы, он хотел *казаться* таковым. Но за этим всегда скрывалось (угадывалось, хотя и не распознавалось полностью) что-то *иное*. Он часто шутил, не улыбаясь; иногда неожиданно для аудитории или собеседника начинал смеяться над собственными словами; часто эпатировал публику парадоксальными высказываниями. В данном контексте вспоминаются его коронные фразы: «Извините, я сказал глупость», «Так и запишите – лектор не знает» (это, разумеется, – про самого себя), «Объясните, пожалуйста, Вашу мысль еще раз – я ничего не понял, я – тупой», «Простите меня за невежество» и т.д. и т.п. По всему было видно, что этот человек живет напряженной внутренней жизнью. Судить по его словам о его мыслях можно было только *отчасти*.

Он был слишком хорошо философски образован, чтобы быть «позитивистом». Он говорил, что качественная социология – это вредная ересь, что изучать субъективные мотивы невозможно, что человека нет, а есть лишь социальные факты (структуры да институты, реальность *sui generis*). Однако это были скорее словесные провокации, нежели декларации истины в последней инстанции. Меня лично они всегда побуждали не к согласию, но к размышлению, иногда к сопротивлению. В этом человеке, в его аргументации не было никакой интеллектуальной агрессивности (столь распространенной в среде приверженцев радикального методологического сциентизма). Г.С. Батыгин интересовался отнюдь не одним только Лазарсфельдом и Мертоном. Он основательно изучал методологию Чикагской школы, редактировал переводы принципиально (или даже «манифестационно») антипозитивистских текстов (П. Бергера, Ч.Р. Миллса), помогал А.Н. Малинкину, переводившему шелеровский «Ресентимент...», готовил русскоязычные версии работ А. Шютца и И. Гофмана. Таков был «позитивист» Батыгин.

По всей видимости, ориентацию на теоретико-методологические стратегии и технико-методические приемы, соответствующие «классическому» типу научности (а-ля естествознание, кантовский «чистый разум») Г.С. Батыгин избрал вполне сознательно – как «наименьшее из зол», – руководствуясь при этом неким подобием «черчиллевского принципа» («<демократия> ... плохо, но все остальное еще хуже»). Когнитивные практики «нормальной науки», может быть, не столь эвристичны, не столь тонки и изысканны, но зато они *работают*, они точны, надежны и результативны. Действительно, «самобытность» объекта в такой оптике просматривается не слишком хорошо. Арифметика не разбирает, кого считает – коров, людей или элементарные частицы. Однако у такой «методы» имеется масса преимуществ. Процесс научного вывода совершается здесь по определенным правилам, его можно воспроизвести, убедиться в правильности полученных результатов. Четкие интеллектуальные процедуры, методически контролируемый сбор информации, установление корреляционных зависимостей, подтверждение или опровержение гипотез ... и как итог ... получение достоверного знания о предмете. Разумеется, такой рецепт «поиска истины» не является единственно возможным. В рамках такого дискурса многие вопросы не могут быть не то что разрешены, но и даже поставлены. «Нормальная» наука есть лишь один из способов познания мира. И Геннадий Семенович это отлично понимал.

Г.С. Батыгин придавал исключительно большое значение «очистительно-профилактической» функции научной критики. Он любил критиковать себя, критиковал других, и просил, чтобы критиковали его. Здесь он обычно ссылался на попперовскую концепцию фальсификации. Любая теория, какой бы «хорошей» и продуктивной она ни была, является принципиально опровержимой. На научную критику нельзя обижаться, она есть необходимое условие протекающего в нормальном русле исследовательского процесса. Самой большой услугой, которую только способен оказать один ученый другому, является

услуга «конструктивного сомнения». Сомнение проливает новый свет на исследуемую проблему, помогает взглянуть на вещи с иной, доселе неизвестной стороны.

...Настоящая статья завершена в сороковой день со дня смерти Геннадия Семеновича Батыгина – выдающегося ученого и замечательного, доброго человека. Если бы Геннадий Семенович имел возможность попрощаться со своими друзьями и коллегами, он, наверное, сказал что-нибудь простое и жизнеутверждающее – что-нибудь наподобие вольтеровского «давайте возделывать наш сад» или лютеровского «Wenn morgen die Welt unterginge, so würde ich noch heute ein Apfelbäumchen pflanzen».

Денис Подвойский